

Ю.А. Ландер

‘Слово’ и ‘язык’ в языках Нусантары*

Введение

Описание лексики, отражающей функционирование языка, - подчас задача неординарная, поскольку состав такой лексики может сильно варьировать (см., например, Арутюнова (ред.) 2000). Данная работа посвящена, однако же, лексемам, отображающим концепты, близкие к базовым, а именно ‘слово’ и ‘язык’. “Базовость” этих понятий определяется здесь тем, что язык и слово обладают практически универсальной психологической реальностью. Что касается слов, то известно, что (по крайней мере, в прототипических случаях) речь могут делить на слова и люди, не знакомые ни с письменностью, ни даже с примитивными лингвистическими представлениями. Психологическая фундаментальность понятия ‘язык’, скорее, обусловлена постоянным противопоставлением разной речи - своей и чужой, “высокой” и “низкой” и т.д.; другими словами, язык фактически понимается здесь как **тип речи**¹

Тем не менее, как будет показано ниже, ‘слово’ и ‘язык’ лексически противопоставляются не во всех языках². Соответственно, эта работа поднимает вопрос о том, что может влиять на то, представлена ли в языке такая оппозиция.

В качестве материала для этого исследования послужили преимущественно языки Нусантары – в первую очередь, Индонезии и Малайзии. Кроме того, по поводу отдельных гипотез, представленных ниже, обсуждаются и некоторые другие языки, ни генетически, ни ареально с упомянутыми не связанные. В результате, делаемые ниже выводы касаются

---

* Автор рад преподнести эту работу Елене Владимировне Ревуненковой и Александру Константиновичу Оглоблину – безусловно, одним из замечательнейших людей отнюдь не только в Санкт-Петербурге. Материалы статьи по большей части заимствованы из словарей (см. список литературы). Кроме того, в исследовании использованы результаты опроса, проведенного автором через электронную рассылку Ассоциации лингвистической типологии. Автор признателен Ю. Сирку за предоставленный материал по ряду языков Нусантары, Т.Г. Погибенко – за информацию по мон-кхмерским языкам, лингвистам, откликнувшимся на вопрос о метаязыковой лексики в упомянутой рассылке (Claire Bower, Daniel Everett, Martin Haase, Steve Marlett, William McGregor, Florian Siegl), за материалы по неавстронезийским языкам и участникам Маклаевских чтений 2004 г. за интерес и замечания по теме работы. Никто из них, естественно, не несет ответственность за какие-либо ошибки в этой работе.

¹ Таким образом, и язык и слово понимаются в наивном, а не в узко научном смысле. Соответственно, нас здесь не интересуют, скажем, наличие оппозиций типа ‘язык’ vs. ‘диалект’ vs. ‘регистр’ (во многих языках, без сомнения, отсутствующих) и тем более ‘язык’ vs. ‘речь’, равно как и существование непрототипических «реализаций» соответствующих понятий (вроде клитик).

² Ср. Dixon, Aikhenvald 2002: 2 о неуниверсальности лексем со значением ‘слово’.

не только культуры и языков Нусантары, но и метода и допущений общей лексической типологии.

1. Данные языков Малайзии и Индонезии

Как можно догадаться уже из постановки вопроса, в исследуемом ареале лексическая оппозиция между концептами 'слово' и 'язык' представлена не всегда. С одной стороны, существуют такие языки как малайский/индонезийский, в которых имеется два разных слова для обозначения рассматриваемых понятий. С другой стороны, в Нусантаре распространена и ситуация, когда одна и та же лексема используется как для обозначения слов, так и для обозначения языков.

В **ибанском** языке (северный Калимантан) для обоих понятий используется термин *jako*³; примеры двух типов употреблений, заимствованные из словаря Richards 1981: 121, даны в (1) и (2):

- (1) *mina siti' dua jako' ke salah*
'Неправильны лишь *одно или два слова*.'
- (2) *sidi:ai ia jako' Cina*
'Те двое говорят на *китайском языке*.'

В первом примере *jako'* дается в сочетании с числительным и имеет значение 'слово', в то время как в (2) та же лексема используется в контексте идентификации типа речи – в том же значении *jako'* используется и в стандартных словосочетаниях типа *jako' Iban* 'ибанский язык', *jako' Bansa* 'национальный язык'.

В **тоба-батакском** языке (Суматра) в аналогичной функции выступает слово *hata*. В словаре Warneck 1977: 109 (впервые опубликованном в 1906 г.) эта лексема переводится, в частности, как 'слово, речь; язык; вопрос' (Wort, Rede; Sprache; Angelegenheit). При этом *hata* обнаруживается не только при обозначении действительных языков и диалектов (ср. *hata batak* 'батакский язык'), но и при указании на особые «регистры» - т.н. «сакральные языки» типа *hata andung* 'язык плачей', *hata tabas* 'язык молитв' и т.д. (см., например, Ревуненкова 1969; Sarumpaet 1982). Вместе с тем, это слово – очевидный когнат и прямое тоба-батакское соответствие малайского *kata* 'слово'.

В языке **муна** (о. Муна вблизи Сулавеси), согласно van den Berg 1996, имеется по меньшей мере два слова, способных указывать на оба понятия – *wamba* и *pogau*. Ниже приведен пример использования второй лексемы в контексте, аналогичном (1):

- (3) se-wubha pogau-no kamokula, fato fulu maana-no
один-CLR *pogau*-его/их старший четыре десяток значение-его/их
'У старших одно слово может иметь сорок значений.' (van den Berg 1996: 608)

Здесь *pogau* употреблено вместе со счетным словом (гlossированным как CLR) *wubha*, исходно, по-видимому, обозначающим 'рот', но судя по всему, способному указывать и на понятие 'слово' (полисемия такого рода обнаруживается и в других языках; например, в манггарай *tu'u* 'звук, слово, язык, рот' – см. Veheijen 1967).

В целом, использование одного слова для обозначения понятий 'слово' и 'язык' в Нусантаре встречается часто: кроме упомянутых языков, оно зафиксировано в балийском (*baos*; Ananda Kusuma 1956), энггано (*e(a)panāi*; Kähler 1987) и некоторых других. Помимо этого, во многих языках (особенно в центральной Индонезии) встречается корень *li-* (и некоторые его модификации), также допускающий оба значения⁴.

Как видно, обозначения для 'языка'/'слова' в приведенных языках отнюдь не обязательно являются родственными – соответственно, здесь нельзя говорить о наследовании лексической системы праязыка. На этом фоне языки, противопоставляющие лексемы для рассматриваемых понятий, образуют весьма сплоченную группу: в большинстве из них (по крайней мере, в большинстве таких языков, рассматриваемых в этой работе) для указания на 'язык' используется отдельное слово, исходно заимствованное из санскрита, где оно выглядело как *bhāṣā*. Таковы, яванский и сунданский (*basa* vs. *tembung* 'слово'), тораджа (*basa* vs. *kada*), макасарский (*basa* vs. *kana*), бугийский (*bassa* vs. *ada*), да и собственно малайский (*bahasa* vs. *kata*⁵).

В последующих разделах предлагаются гипотезы о нескольких типах факторов, в какой-то мере определяющих наличие или отсутствие лексического противопоставления 'язык' vs. 'слово'.

---

³ Здесь и ниже за редкими исключениями транскрипция/транслитерация соответствует источнику.

⁴ Ср. также древнеяванское *liṅ-*, переводимое П. Зутмюлдером в первую очередь как 'сказанное' (what one says) и допускающее самые разные контекстные значения; см. Zoetmulder 1982.

⁵ Интересно, что К. Годдард (Goddard 2002: 105ff) отказывает *kata* в значении 'слово', понимая его как глагол 'говорить' – либо как имя 'то, что говорится', которое, впрочем, согласно Годдарду, не может указывать на последовательность дискретных слов. При этом значение 'слово' (вернее, 'слова') в указанной работе приписывается лексеме *perkataan*. Впрочем, по всей видимости, речь здесь идет лишь об одной из множества разновидностей малайского языка (причем, вероятно, не вполне стандартной).

2. Грамматический фактор

Интересно, что судя по всему, можно установить связь между отсутствием лексической оппозиции ‘язык’ vs. ‘слово’ и известной грамматической чертой языков Малайзии и Индонезии – недостаточной грамматикализованностью категории числа. Речь идет о том, что в языках Нусантары – как и во многих других языках Юго-Восточной Азии и Океании⁶ – именная форма, традиционно считающаяся «формой множественного числа» (а на деле, чаще выражающая более сложные семантические оттенки вроде дистрибутивности), противопоставляется немаркированной форме, способной указывать как на единичные, так и на множественные объекты и демонстрирующей свойства аналогичные неисчисляемым существительным. Ср. следующее индонезийское предложение, где употреблена немаркированная форма *kera* ‘мартышка’ (противопоставляющаяся в описаниях редуцированной форме *kera-kera* ‘мартышки’) – несмотря на очевидную множественность референта соответствующей именной группы, подтверждающуюся, взаимным глаголом *kejar-mengejar* ‘преследовать друг друга’:

- (4) *Kera selalu kelihatan bergerak, bergulat atau kejar-mengejar ...*
мартышка всегда быть.видимым двигаться драться или преследовать.друг.друга
‘Мартышки всегда, как будто бы, двигаются, дерутся, преследуют друг друга...’

Как кажется, именно эта грамматическая черта – именуемая далее (с некоторой долей условности) «отсутствие обязательного противопоставления по числу» – и явилась важным фактором, способствовавшим неразличению обозначений понятий ‘язык’ и ‘слово’. Логика здесь такова. Пусть имеется некоторая лексема, именующая речь вообще – и скорее всего, являющаяся семантически неисчисляемой. В языке с отсутствием обязательного противопоставления по числу, однако, граница между исчисляемыми и неисчисляемыми именами, как было сказано выше, является размытой – и соответственно, немаркированная форма может пониматься и как обозначение единичного объекта, противопоставляемого другим объектам такого рода, и как наименование совокупности объектов. Можно предположить, что первое прочтение соответствует (наивному) понятию языка, а второе – легко интерпретируется как совокупность слов. В результате возникает ситуация, когда понятия языка и слова оказываются лексически непротивопоставлены.

---

⁶ В Nichols 1992 показано, что отсутствие жесткого числового противопоставления имеет ареальное распределение. Кроме того, надо заметить, что эта черта свойственна практически всем австронезийским языкам (к которым относятся языки Нусантары).

В соответствии с высказанным предположением о связи между номинацией 'языка' и 'слова' и грамматикализованностью числовой оппозиции, можно выдвинуть следующую гипотетическую универсалию:

- (5) Если в языке используется одно слово для выражения смыслов 'язык' и 'слово', то в этом языке у имен отсутствует обязательное противопоставление по числу.

Универсалия (5) разрешает существование трех типов языков:

1) языки с обязательным противопоставлением по числу и с разными наименованиями интересующих нас понятий;

2) языки без обязательного противопоставления по числу и с единым обозначением для 'языка' и 'слова';

3) языки без обязательного противопоставления по числу, но с разными обозначениями для этих концептов.

(Поскольку в одном языке может иметься несколько слов с рассматриваемыми значениями, один и тот же язык может относиться и ко второму типу, и к третьему.)

Первый тип включает, в частности, европейские языки – такие, как английский, нидерландский, русский; во всех них числовая оппозиция довольно сильно грамматикализована – и все они имеют разные лексемы для понятий 'язык' и 'слово'. Языки вроде ибанского, тоба-батакского и муна относятся ко второму типу – и сюда же входят многие кхмерские языки, японский, некоторые австралийские и африканские языки (например, догон) – все они, таким образом, подтверждают гипотетическую универсалию (5). Яванский, бугийский и прочие языки, упомянутые в конце предыдущего раздела подходят под третий тип. Наконец, логически возможен и четвертый тип – языки с обязательным противопоставлением по числу и с единым обозначением для понятий 'язык' и 'слово', но этот тип оказывается запрещен.

Тем не менее, языки, относящиеся к четвертому типу существуют, хотя их, по-видимому, и не так много. Все известные автору исключения из (5) находятся за пределами Нусантары. Среди них коми и удмуртский, в которых несмотря на достаточную развитость грамматической категории числа для обозначения концептов 'слово' и 'язык' используются одни и те же лексемы (*кыв* в коми и *кыл* в удмуртском;) – интересно, правда, что все прочие известные финно-угорские языки, по всей видимости, все-таки имеют соответствующее лексическое противопоставление (Florian Siegl, устное сообщение). Другое исключение (хотя возможно, более слабое) – хоканский язык сери, в котором есть и обязательное числовое противопоставление, и единая лексема *iitom* со

значением ‘слово, язык’ (Steve Marlett, устное сообщение)⁷. Правда, это слово само по себе является результатом номинализации – между тем, известно, что как раз номинализации нередко обнаруживают дефектное числовое поведение⁸.

Вполне вероятно, что универсалия (5) сформулирована слишком грубо. Так, естественно ограничить требование отсутствия противопоставления по числу лишь тем классом слов, к которому относятся обозначения рассматриваемых понятий (например, неодушевленными именами или номинализациями)⁹. С другой стороны, возможно, здесь правильнее вести речь о статистической универсалии (т.е. универсалии, допускающей исключения) – это превращает (5) в указание на некую лингвистически важную тенденцию¹⁰. Наконец, нельзя не учитывать и роль исторических изменений: вообще говоря, появление обязательного противопоставления по числу может быть достаточно поздним (в частности, в языках Юго-Восточной Азии развитие числовой категории нередко связывается с влиянием европейских языков).

3. «Внешний» фактор

Второй фактор, условно названный здесь «внешним», связан с тем, что возникновение словарного противопоставления может быть обусловлено воздействием одного языка на другой. Вследствие такого влияния в язык может быть заимствована специальная лексема для обозначения одного из интересующих нас понятий.

---

⁷ Правда, в Moser, Marlett 2000 то же слово противопоставляется другому (хотя и однокоренному) *icáitom* ‘слово, выражение, речь’.

⁸ В языках Малайзии и Индонезии слова со значением ‘язык’/‘слово’ тоже чаще всего имеют однокоренные глаголы речи. Кроме того, (особенно) в высказываниях с прямой речью нередко используется конструкция, в которой такая лексема как раз и выступает в качестве сказуемого, но это касается как языков с лексическим противопоставлением ‘язык’ vs. ‘слово’ (ср. известную малайскую конструкцию *kata-nya* ‘он говорит’, букв. ‘его слова’), так и языков без такого противопоставления (в ибанском в результате даже возникла специальная кватативная частица *ko*; см. Asmah Hj. Omar 1981: 156).

⁹ Известно, что числовая определенность коррелирует с «потенциальной дискурсивной значимостью» именной группы – например, она чаще обнаруживается у референтных и одушевленных именных групп (ср. Nichols 1992: 146-147). Обозначения для понятий ‘слово’ и ‘язык’, конечно, таковыми не являются. На счет того же можно отнести и то, что числовые противопоставления почти всегда имеются у местоимений, причем развитие согласовательных показателей из местоимений может приводить к наличию обязательного числового противопоставления, выражаемого вне именных групп. Выдвинутая гипотеза предсказывает, что в таких языках для выражения смыслов ‘язык’ и ‘слово’ может использоваться одно слово, что подтверждается данными австралийских языков нюлнюл (Claire Bowern, William McGregor, устные сообщения).

¹⁰ См. Dryer 1998 о преимуществах статистических универсалий над абсолютными.

В пользу наличия этого фактора в какой-то степени говорит обнаруживаемое (при беглом просмотре) географическое распределение оппозиции, которое может объясняться как раз межъязыковыми контактами. Так, противопоставление ‘язык’ vs. ‘слово’ наблюдается во всех языках Явы (правда, в соседнем балийском языке имеется уже и единое слово *baos*). Другой крупный остров Индонезийского архипелага, на котором часто встречается по крайней мере отдельная лексема для обозначения понятия ‘язык’ – это Сулавеси. Здесь как минимум три основных языка (бугийский, макасарский, тораджа) противопоставляют ‘язык’ (*basa*) и ‘слово’ (тораджа *kada*, бугийское *ada*, макасарское *kana*¹¹).

С другой стороны, в более мелких языках области Сулавеси заимствованное (из малайского или же из одного из упомянутых крупных языков) слово *basa* сосуществует с местным. В качестве примера можно привести язык памона (Adriani 1928), где наряду с «исконным» *rau*, переводимым Н. Адриани как ‘слово, разговор’ (‘word, gepraat, gesprek’), но явно имеющим и значение ‘тип речи’, используется и пришедшее, видимо, из бугийского *basa*; ср. словосочетания *rau nTo Parigi* и *basa Tara*, которые оба указывают на диалект тара (париги) языка леда (каи́ли-памона).

В языке туканг беси (одноименные острова около Сулавеси) исконное *pogau* (уже встречавшееся выше в муна) употребляется вместе с *bahasa* – термином, пришедшим из малайского языка. При этом согласно Donohue 1999: 4-5, *pogau* и *bahasa* оказались противопоставлены между собой по стандартизованности, в какой-то степени изысканности. Например, в то время как *Bahasa Malau* указывает на малайский язык Малайзии и западной Суматры (и реже на индонезийский малайский язык вообще), *Pogau Malau* используется для обозначения местных разновидностей малайского, а также нестандартизованного малайского языка тех времен, когда Индонезия была колонией Нидерландов.

В заключение, надо отметить, что во всех таких случаях, судя по всему, привнесено было именно наименование ‘языка’.

4. Культурный фактор?

Последний фактор, обсуждаемый здесь, – т.н. «культурный» фактор – является в то же время и наиболее спорным. Тем не менее, в качестве гипотезы можно предположить,

---

¹¹ Хотя все эти слова, на первый взгляд, генетически связаны с малайским *kata* ‘слово’ (которое, в свою очередь, имеет санскритские корни), происхождение их не вполне очевидно в связи с отсутствием регулярного фонетического соответствия типа малайское *t* – тораджа, бугийское *d* – макасарское *n* (Юло Сирк, устное сообщение).

что наличие отдельных обозначений для 'слова' и 'языка' по крайней мере отчасти (причем довольно косвенно) обуславливается наличием развитой культурной – в первую очередь письменной – традиции.

Однако, выяснить, так ли это, - довольно проблематично. Надо заметить, что даже среди языков без рассматриваемой лексической оппозиции (и естественно, также и без обязательного противопоставления по числу), конечно, есть и языки с культурной и письменной традицией. Тем не менее, некоторые наблюдения позволяют предположить, что доля истины в гипотезе о существовании «культурного фактора» имеется.

Прежде всего, основные языки с оппозицией 'слово' vs. 'язык' – малайский, яванский, бугийский и т.д. – обладают довольно большой культурной традицией (хотя возможно, что как раз поэтому эти языки и кажутся «основными»). Другой довод в поддержку высказанной гипотезы связан с наличием типологически схожих ситуаций. Так, в мон-кхмерских языках совпадение наименований 'языка' и 'слова' довольно распространено – тем не менее, в самом кхмерском языке (т.е. в языке традиции) имеется оппозиция между *phio'saa* 'язык' и *pio'k* 'слово'; для понятия 'язык' здесь заимствовано то же санскритское слово, что и в малайский¹².

Заключение

Итак, выше были выделены три фактора, которые, как кажется, могут влиять на то, противопоставляются ли лексически 'язык' и 'слово': (i) грамматический фактор (грамматикализованность числового противопоставления), (ii) «внешний» фактор (влияние другого языка) и (iii) гипотетический «культурный» фактор (наличие развитой культурной традиции).

При этом, если корреляции между наличием развитой культурной традиции и лексической оппозиции 'язык' vs. 'слово' действительно существуют, то скорее всего, речь здесь идет не о многозначности, а о наличии/отсутствии **понятийного** противопоставления языка и слова (т.е. и то, и то могло осознаться как реализация более общей концептуальной категории). Действительно, простейшее объяснение наличия этого фактора состоит, вероятно, в том, что соответствующая лексическая оппозиция появилась тогда, когда **понадобилось** противопоставить эти понятия.

Само по себе то, что состав словаря во многом определяется культурой – факт широко известный. Тем не менее, понятия 'язык' и 'слово', на первый взгляд, кажутся базовыми, от культуры практически независимыми – и сказанное может это опровергнуть.

---

¹² При этом как и ее малайский аналог, лексема *pi'ok* 'слово, выражение, высказывание' также является заимствованной из санскрита.

Кроме того, у гипотезы культурного фактора есть и более удивительные импликации. Так, если речь здесь взаправду идет именно о **понятиях** языка и слова, то оказывается, что грамматический признак (отсутствие обязательного противопоставления по числу) способен влиять и на концептуальную систему¹³.

Несмотря на это, данное исследование велось по направлению от семантики к выражению и таким образом не претендовало на понимание действительных культурных реалий, стоящих за рассмотренной лексикой. В действительности, упомянутые лексемы могут иметь и дополнительные смысловые оттенки - так, яванское *basa* указывает также и на «владение стилем, умение изъясняться сообразно обстановке» (см. Оглоблин 1999: 155; то же, по-видимому, верно и для некоторых других языков этого ареала). Учитывая это, можно предположить, что тщательное лексикографическое исследование выявит и другие факторы, приводящие к возникновению лексических противопоставлений типа рассмотренного.

Тем не менее, учет факторов типа тех, что были предложены в этой работе, безусловно важен не только для Нусантары, но и вообще для лексической типологии – дисциплины новой и развивающейся. И в этой связи следует обратить особое внимание на грамматический фактор, который по сути показывает иллюзорность разграничения грамматики и словаря, постулируемого во многих современных лингвистических теориях.

Литература

- Арутюнова Н.Д. (ред.) 2000. *Язык о языке*. М.
- Оглоблин А.К. 1999. Речевой этикет у народов Явы // Е.В. Иванова, А.М. Решетов (отв. ред.). *Этикет у народов Юго-Восточной Азии*. СПб. С. 150-179.
- Ревзин И.И., Ревзина О.Г. 1977. Типологическая характеристика индонезийского языка с точки зрения категории числа и других способов выражения предметности // *Малайско-индонезийские исследования*. М. С. 175-190.
- Ревуненкова Е.В. 1969. Книги батакских жрецов // *Культура народов Индонезии и Океании*. Сб. МАЭ. Т. XXXIX. Л. С. 120-135.
- Adriani N. 1928. *Bare 'e-Nederlandsch Woordenboek*. Leiden.
- Ananda Kusuma I. Gst. 1956. *Kamus Indonesia - Bali*. Denpasar.
- Asmah Hj. Omar. 1981. *The Iban Language of Sarawak: A Grammatical Description*. Kuala Lumpur.

---

¹³ Здесь можно вспомнить о т.н. “гипотезе Сепира-Уорфа”, согласно которой язык в какой-то степени определяет мышление человека. В реальности, однако, уже тот факт, что рассматриваемое противопоставление в языке легко создается, противоречит этой гипотезе - по крайней мере, в ее наиболее жесткой формулировке.

- Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. 2002. Word: a typological framework // R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). *Word: A Cross-Linguistic Typology*. Cambridge. P. 1-41.
- Donohue M. 1999. *A Grammar of Tukang Besi*. Berlin/N.Y.
- Dryer M.S. 1998. Why statistical universals are better than absolute universals? // *Chicago Linguistic Society 33: The Panels*. P. 123-145.
- Goddard C. 2002. Semantic primes and universal grammar in Malay (Bahasa Melayu) // C. Goddard, A. Wierzbicka (eds.). *Meaning and Universal Grammar*. Amsterdam/Philadelphia. P. 87-172.
- Kähler H. 1987. *Enggano-Deutsches Wörterbuch*. Berlin/Hamburg.
- Moser M.B., Marlett S.A. 2000. Seri dictionary: Sound and speech // *Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session*. Vol. 44. [http://www.und.nodak.edu/dept/linguistics/wp/2000.htm]
- Nichols J. 1992. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago/London.
- Richards A. 1981. *An Iban-English Dictionary*. Oxford.
- Sarumpaet J. P. 1982. Linguistic varieties in Toba-Batak // *Papers from the 3rd International Conference on Austronesian Linguistics*. Vol. 3: *Accent on Variety*. (Pacific Linguistics. C - 76.) Canberra. P. 27-78.
- van den Berg R. 1996. *Muna-English Dictionary*. Leiden.
- Veheijen J. A.J. 1967. *Kamus Manggarai*. I. 's-Gravenhage.
- Warneck J. 1977. *Toba-Batak – Deutsches Wörterbuch*. Den Haag.
- Zoetmulder P.J. 1982. *Old Javanese-English Dictionary*. 's-Gravenhage.